

УДК 93/94

ИНТЕГРАЦИИ В РУССКОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТАТАРО-МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ XVIII- НАЧ.XX ВВ.

*В.В. Феоньчев, кандидат исторических наук, доцент.
тел. +79023555480 e-mail: feon74@mail.ru
Технологический институт - филиал ФГБОУ ВО Ульяновский*

Ключевые слова: *Волго-Уральский регион, интеграция, татаро-мусульманское население, Российская империя, духовная жизнь, обучение, школы, медресе, европоцентризм.*

В статье рассматриваются попытки интеграции в русское социокультурное пространство татаро-мусульманского населения Волго-Уральском регионе XVIII-нач.XX вв. Причем ставка делается на постепенное внедрение русской культуры и языка инородцам, с сохранением собственной культуры.

На протяжении всей своей истории Российская империя являлась государством, отличавшимся этническим, конфессиональным и культурным разнообразием. Присоединение новых территорий в последней трети XVIII в. – XIX в. качественно изменило этноконфессиональный состав населения империи. Согласно материалам Первой всеобщей переписи 1897 г., русские в стране составляли менее половины населения – 44,31%. Вслед за украинцами (17,8%) тюркские народы представляли значительную часть российских подданных – 13,6 млн. чел. (10,8%). В стране проживало 13,9 млн. мусульман (не считая жителей Бухары и Хивы), что составляло 11,06% от общей численности подданных империи (вторая по численности группа подданных (11,1%) после православных (69,4%)). [6. С.88] Из них 3,5 млн. проживало в Европейской части России, около 7 млн. в Средней Азии, 3,2 млн. на Кавказе и 122 тыс. в Сибири.[6.С.89]

Среди этих групп мусульман татары и башкиры Волго-Уральского региона являлись наиболее интегрированной в социальном отношении частью единоверцев.

Со второй половины XVIII в. взаимоотношения имперских властей с «инородцами» начали строиться на гарантировании принципа веротерпимости, с одной стороны, и на лояльности по отношению к

правлящей династии – с другой. Такой подход был призван обеспечить законопослушность нерусского населения, поскольку он означал признание религиозно-культурных институтов, дающих возможность регламентировать большую часть правоотношений внутри общества в соответствии с его вековыми традициями.

Для контроля над духовной жизнью мусульман и деятельностью приходского духовенства указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г. в Уфе было учреждено ОМДС. В округ ОМДС входила огромная территория, за исключением Таврической и западных губерний, Кавказа и Закавказья, Туркестана и степных областей (выведены из округа в результате административной реформы 1868 г.). В начале XX в. полномочия ОМДС распространялись на 84 губернии, 5 областей, 6 градоначальств центральной России, Поволжья, Приуралья и Сибири. [8.С.286]

**Таблица 1- Численность мусульман в губерниях
округа ОМДС в 1897 г. [2.С.19]**

Губернии	М.п.	Ж.п.	Обоего пола	%-е отношение к общему числу населения
Астраханская	160729	146279	307379	30,60
Вятская	65186	64342	129530	4,27
Казанская	307833	318014	625847	28,75
Нижегородская	17439	22968	40407	2,62
Оренбургская	190123	172676	362799	22,66
Пензенская	26588	31958	58546	3,98
Пермская	78940	69520	146460	4,96
Рязанская	2132	2729	4861	0,27
Самарская	143833	141180	285013	10,37
Саратовская	46616	47761	94377	3,92
Симбирская	63958	67915	131973	8,63
Тамбовская	6897	8781	15678	0,58
Тобольская	33991	30161	64152	4,47
Томская	22618	18215	40833	2,12
Уфимская	561205	537777	1098982	50, 03
Всего	1728088	1680276	3406837	

Согласно сведениям переписи 1897 г., половину населения мусульмане составляли только в Уфимской губернии. Высокий удельный вес мусульман в Астраханской губернии достигался за счёт казахского населения Внутренней Букеевской Орды. 28,75% жителей составляли татары- мусульмане в Казанской губернии. В Оренбургской губернии численность мусульман превышала одну пятую часть местного населения. В остальных губерниях их численность была незначительной.

Самая большая группа мусульман (более $\frac{1}{3}$) проживала в Уфимской губернии, чуть менее $\frac{1}{5}$ части – в Казанской, следующие крупные мусульманские анклавы располагались в Оренбургской (11%), Самарской (8,6%) и Астраханской губерниях (9,3%).

После польского восстания 1863 г. в идеологии Российской империи появилась установка на «сближение», «слияние» «иностранцев» с русскими и создание единого государства. В условиях многонациональной и многоконфессиональной страны это означало административное, социальное и культурное объединение империи [2.С.21], что в конечном итоге подразумевало создание национального государства.

В этой связи наметился пересмотр внутривосточного курса империи в отношении мусульман. Комплекс проблем в организации жизнедеятельности последователей ислама в контексте их интеграции в русское социокультурное пространство получил в правительственных кругах название «мусульманский вопрос», решение которого считалось одной из самых сложных задач национальной политики.

Новый государственный курс предусматривал кардинальное обновление принципов екатерининской конфессиональной политики. В частности, установленная императрицей автономность исламских институтов отныне воспринималась как препятствие к всеобщей унификации.

В целом исламский мир рассматривался преимущественно с позиции европоцентризма, как замкнутый, «невежественный» и «фанатичный» и опасный для христианской цивилизации [2.С.61]. Считалось, что ценности ислама не соответствуют государственной идеологии и противоречат основам европейской, христианской цивилизации, к которой причисляло себя Российское государство.

Справедливо будет отметить, что отрицательный взгляд на мусульманский мир был связан не только с деятельностью представителей церкви, но и самим состоянием дел в мусульманском мире. Население, ведущее традиционный уклад жизни, приписанное властью в основном к податному сословию, обладающее главным образом ре-

лигиозным менталитетом, в массе своей не знающее государственного языка, не могло вызывать симпатию в глазах чиновника, представителя русско-христианской культуры.

Во главу угла политики интеграции было поставлено приобщение мусульман к русской системе образования. Предполагалось, что дети крестьян, становясь грамотными по-русски и получая соответствующее воспитание, станут преданными государству гражданами, воспринявшими русскую культуру, вовлеченными в общественно-политическую жизнь империи. В целях распространения начального образования среди «инородцев», в том числе татар-мусульман, по «Правилам» от 26 марта 1870 г. открывались специальные правительственные русско-инородческие училища и содержащиеся за счет местного населения русские классы при конфессиональной школе. Новые мектебе и медресе должны были открываться непременно с русским классом. Основными предметами в них являлись русский язык и арифметика. При этом первоначально уроки должны были вестись на родном языке [4.С.284].

«Мотивировать» мусульман к этому власти решили через установление запрета на открытие новых конфессиональных школ без данных классов. Также в Уфе и Симферополе за счет государства были открыты две татарские учительские школы. Контроль за татарскими школами и русскими классами при мектебе и медресе передавался инспекторам учебного ведомства. Для открытия школ нового типа и контроля над ними в КУО была учреждена должность инспектора татарских, башкирских и киргизских школ [7.С.19.], которую в 1872-1884 гг. занимал тюрок В.В. Радлов.

Однако все оказалось не так просто. Дело в том, что власти не учли просветительские традиции татар-мусульман, в какой-то мере проигнорировали их ментальные особенности. В сложившихся исторических условиях татары не были готовы к быстрому переходу от традиционного мусульманского образования к светскому русскому. Татарская школа испокон веков была конфессиональной. «Учиться и изучать религию у татар сливалось в одно понятие и обозначалось одним словом. И потому смысл учения татарская масса до последнего времени понимала только в обучении религии. Поэтому выражение «учиться по-русски» татары понимали не иначе, как изучить «русскую» (т.е. православную) религию», – отмечал современник [5.С.213] Еще одним важнейшим моментом являлось то, что муллы-традиционалисты в большинстве своем переводили изучение русского языка на плоскость религиозного запрета и называли своим прихожанам «грехом». В-третьих, боязнь лишить

детей традиционного религиозного воспитания была одной из основных причин, отталкивающих мусульман от подобных учебных заведений. [З.С.63]

Кроме идеологической подоплеки, непопулярность получения русского образования поддерживалась и тем, что татарское податное население не было заинтересовано в получении русского образования. В аграрном Волго-Уральском регионе для податного, крестьянского населения необходимость владения государственным языком была минимальной, так как общение с органами власти происходило через выборных представителей, сельское общество своими силами решало социальные проблемы, дети татар обучались и воспитывались на родном языке в конфессиональных школах. [9.С.33] Знание разговорного русского языка, навыки чтения и письма были характерны лишь для мелких чиновников и торговцев, жителей городов.

В результате организация специальных правительственных школ была воспринята большинством населения как очередная попытка русификации и христианизации поколения, а не как дорога к просвещению. Как отмечает, А.Ю. Хабутдинов, способ внедрения такой системы образования и отношение к национальной школе нерусских народов отличались непродуманностью и нигилизмом, что, в конце концов, было признано и самими чиновниками в ходе работы Особого совещания 1905 г.

При названных «идеологических» установках населения и объективных причинах рассчитывать на успех «преобразований сверху» не приходилось. Татаро-мусульманское общество нуждалось, прежде всего, во внутренней трансформации, в переходе от закрытой консервативно-охранительной модели к модернизации общественных отношений. Необходимо было сформировать новое общественное мнение о пользе сотрудничества с российскими властями и органами местного самоуправления, важности изучения государственного языка и светских предметов как условий сохранения и развития татарской нации в пореформенный период. За решение данной задачи взялась татаро-мусульманская элита, которая, как показала история, с ней справилась и стала настоящим помощником властей в деле распространения светского просвещения среди мусульман, в т.ч. путем развития новометодных школ.

Библиографический список:

1. Загидуллин, И.К. Татарское национальное движение в 1860-1905 гг.: монография / И.К. Загидуллин. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2014. – 423с Загидуллин

- лин, И.К. Татары-мусульмане и школьная политика Российского правительства в последней трети XIX века / И.К. Загидуллин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 14 (369). История. Вып. 64. – С. 62-67.
2. Материалы по истории Татарию второй половины XIX века. Ч. 1: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50-70-х годов XIX в. // Труды историко-археологического института. Т. 16. М.; Л., 1936. С. 284-287.
 3. Пинегин М.Н. По инородческому вопросу. Соображения директора народных училищ Казанской губернии М.Н. Пинегина. 5 января 1910 г. // Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию... С. 213.
 4. Россия в начале XX века / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. С. 88-89.
 5. Саматова, Ч.Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века. (по материалам Казанского учебного округа) / Ч.Х. Саматова. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2013. – 239 с.
 6. Фархшатов М. Мусульманское духовенство. Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2006. Т.1. С. 286-292.
 7. Хасаншин, Г.Р. Инородческая школа как инструмент интеграции татар- мусульман Волго-Уральского региона в Российское социокультурное пространство (конец XIX – начало XX вв.) / Г.Р. Хасаншин // Гасырлар авазы Эхо веков. – 2016. – № 3-4. – С. 33-39.

INTEGRATION INTO THE RUSSIAN SOCIOCULTURAL SPACE OF THE TATAR-MUSLIM POPULATION IN THE VOLGA-URAL REGION OF THE XVIII-EARLY XX CENTURIES

Feonychev V.V.

Key words: *Volga-Ural region, integration, Tatar-Muslim population, Russian Empire, spiritual life, education, schools, madrassas, Eurocentrism.*

The article discusses attempts to integrate the Tatar-Muslim population of the Volga-Ural region of the 18th-early 20th centuries into the Russian sociocultural space. Moreover, the stake is placed on the gradual introduction of Russian culture and language to foreigners, while preserving their own culture.